

**ГЕОРГИЙ
ВЛАДИМОВ**

**ГЕОРГИЙ
ВЛАДИМОВ
ГЕНЕРАЛ
И ЕГО
АРМИЯ**

ЦЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

Роман

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В57

Дизайн переплёта *Андрея Рыбакова*

Владимов, Георгий Николаевич.
В57 Генерал и его армия : роман / Георгий Владимов. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2023. — 573, [3] с. — (Предметы культа).

ISBN 978-5-17-156059-1

Георгий Николаевич Владимов (1931–2003) — писатель, правозащитник. Лауреат премии «Русский Букер».

Роман «Генерал и его армия» — «Война и мир» XX века — входит в корпус важнейших книг о Великой Отечественной войне. Подобно тому, как сплетаются в романе судьбы трех генералов — Гудериана, Власова и вымышленного Кобрисова, — автор соединяет личное и историческое, доблесть и предательство, победу и поражение.

В 2001 году в России «Генерал и его армия» был назван лучшим буковским романом десятилетия и удостоен премии Андрея Сахарова «За гражданское мужество писателя».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156059-1

© Владимов Г.Н., наследники
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ

Роман

- Глава первая. **Майор Светлоков**
9
- Глава вторая. **Три командарма и ординарец Шестериков**
65
- Глава третья. **Кому память, кому слава, кому тёмная вода...**
157
- Глава четвёртая. **Даёшь Предславль!**
234
- Глава пятая. **Кто без греха?**
324
- Глава шестая. **Поклонная гора**
415
- Глава седьмая. **Снаряд**
472

Приложение

- Новое следствие, приговор старый
511
- «Когда массировал компетенцию...»
Ответ В. Богомолу
530

Простите вы, пернатые войска
И гордые сражения, в которых
Считается за доблесть честолюбье —
Всё, всё прости! Прости, мой ржущий конь,
И звук трубы, и грохот барабана,
И флейты свист, и царственное знамя,
Все почести, вся слава, всё величье
И бурные тревоги славных войн!
Простите вы, смертельные орудья,
Которых гул несётся по земле.

Уильям Шекспир.

Отелло, венецианский мавр.

Акт III

ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ

Роман

Глава первая

Майор Светлооков

1

Вот он появляется из мглы дождя и проносится, лопоча по крышкам, по истерзанному асфальту — «виллис», король дорог, колесница нашей Победы. Хлопает на ветру закиданный грязью брезент, мечутся щётки по стеклу, размазывая полупрозрачные секторы, взвихренная слякоть летит за ним, как шлейф, и оседает с шипением.

Так мчится он под небом воюющей России, погромы-хивающим непрестанно — громом ли надвигающейся грозы или дальнею канонадой, — свирепый маленький зверь, тупорылый и плосколобый, воющий от злой натуги одолеть пространство, пробиться к своей неведомой цели.

Подчас и для него целые вёрсты пути оказываются непроезжими — из-за воронок, выбивших асфальт во всю ширину и налитых доверху тёмной жижей, — тогда он переваливает кювет наискось и жрёт дорогу, рыча, срывая

Глава первая

пласты глины вместе с травой, крутясь в разбитой колее; выбравшись с облегчением, опять набирает ход и бежит, бежит за горизонт, а позади остаются мокрые простреленные перелески с чёрными сучьями и ворохами опавшей листвы, обгорелые остовы машин, сваленных догнывать за обочиной, и печные трубы деревень и хуторов, испутившие последний свой дым два года назад.

Попадаются ему мосты — из наспех ошкуренных брёвен, рядом с прежними, уронившими ржавые фермы в воду, — он бежит по этим брёвнам, как по клавишам, подпрыгивая с лязгом, и ещё колышется и скрипит настил, когда «виллиса» уже нет и следа, только синий выхлоп дотаивает над чёрной водою.

Попадаются ему шлагбаумы — и надолго задерживают его, но, обойдя уверенно колонну санитарных фургонов, расчистив себе путь требовательными сигналами, он пробирается к рельсам вплотную и первым прыгает на перезд, едва прогрохочет хвост эшелона.

Попадаются ему пробки — из встречных и поперечных потоков, скопища ревущих, отчаянно сигналижащих машин; иззябшие регулировщицы, с мужественно-девичьими лицами и матерщиною на устах, расшивают эти пробки, тревожно поглядывая на небо и каждой приближающейся машине издали угрожая жезлом, — для «виллиса», однако ж, отыскивается проход, и потеснившиеся шофёры долго глядят ему вслед с недоумением и невнятной тоскою.

Вот он исчез на спуске, за вершиной холма, и затих — кажется, пал он там, развалился, загнанный до издыхания, — нет, вынырнул на подъёме, песню упрямства поёт мотор, и нехотя ползёт под колесо тягучая российская верста...

Что была Ставка Верховного Главнокомандования? — для водителя, уже закаменевшего на своём сиденье и смотревшего на дорогу тупо и пристально, помаргивая красными

веками, а время от времени, с настойчивостью человека давно не спавшего, пытаюсь раскурить прилипший к губе окурок. Верно, в самом этом слове — «Ставка» — слышалось ему и виделось нечто высокое и устойчивое, вознёсшееся над всеми московскими крышами, как островерхий сказочный терем, а у подножья его — долгожданная стоянка, обнесённый стеною и уставленный машинами двор, наподобие постоянного, о котором он где-то слышал или прочёл. Туда постоянно кто-нибудь прибывает, кого-нибудь провожают, и течёт промеж шофёров нескончаемая беседа — не ниже тех бесед, что ведут их хозяева-генералы в сумрачных тихих палатах, за тяжёлыми бархатными шторами, на восьмом этаже. Выше восьмого — прожив предыдущую свою жизнь на первом и единственном — водитель Сиротин не забирался воображением, но и пониже находиться начальству не полагалось, надо же как минимум пол-Москвы наблюдать из окон.

И Сиротин был бы жестоко разочарован, если б узнал, что Ставка себя укрыла глубоко под землёй, на станции метро «Кировская», и её кабинетики разгорожены фанерными щитами, а в вагонах недвижимого поезда разместились буфеты и раздевалки. Это было бы совершенно не-solidно, это бы выходило поглубже Гитлерова бункера; наша, советская Ставка так располагаться не могла, ведь германская-то и высмеивалась за этот «бункер». Да и не нагнал бы тот бункер такого трепету, с каким уходили в подъезд на полусогнутых ватных ногах генералы.

Вот тут, у подножья, куда поместил он себя со своим «виллисом», рассчитывал Сиротин узнать и о своей дальнейшей судьбе, которая могла слиться вновь с судьбою генерала, а могла и отдельным потечь руслом. Если хорошо растопырить уши, можно бы кой-чего у шофёров разведать — как вот разведал же он про этот путь заранее, у коллеги из автороты штаба. Сойдясь для долгого пере-

Глава первая

кура, в ожидании конца совещания, они поговорили сперва об отвлечённом — Сиротин, помнилось, высказал предположение, что, ежели на «виллис» поставить движок от восьмиместного «доджа», добрая будет машина, лучшего и желать не надо; коллега против этого не возражал, но заметил, что движок у «доджа» великоват и, пожалуй, под «виллисов» капот не влезет, придётся специальный кожух наращивать, а это же горб, — и оба нашли согласно, что лучше оставить как есть. Отсюда их разговор склонился к переменам вообще — много ли от них пользы, — коллега себя и здесь заявил сторонником постоянства и, в этой как раз связи, намекнул Сиротину, что вот и у них в армии ожидаются перемены, буквально-таки на днях, неизвестно только, к лучшему оно или к худшему. Какие перемены *конкретно*, коллега не приоткрыл, сказал лишь, что окончательного решения ещё нету, но по тому, как он голос принимал, можно было понять, что решение это придёт даже не из штаба фронта, а откуда-то повыше; может, с такого высока, что им обоим туда и мыслью не добраться. «Хотя, — сказал вдруг коллега, — ты-то, может, и доберёшься. Случаем Москву повидеешь — кланяйся». Выказать удивление — какая могла быть Москва в самый разгар наступления — Сиротину, шофёру командующего, амбиция не позволяла, он лишь кивнул важно, а втайне решил: ничего-то коллега толком не знает, слышал звон отдалённый, а может, сам же этот звон и родил. А вот вышло — не звон, вышло и вправду — Москва! На всякий случай Сиротин тогда же начал готовиться — смонтировал и поставил неезженные покрывки, «родные», то есть американские, которые приберегал до Европы, приварил кронштейн для ещё одной бензиновой канистры, даже и этот брезент натянул, который обычно ни при какой погоде не брали, — генерал его не любил: «Душно под ним, — говорил, — как в собачьей будке, и рассредоточиться по-

быстрому не даёт», то есть через борта повыскакивать при обстреле или бомбёжке. Словом, не так уж вышло неожиданно, когда скомандовал генерал: «Запрягай, Сиротин, пообедаем — и в Москву».

Москвы Сиротин не видел ни разу, и ему и радостно было, что внезапно сбывались давнишние, ещё довоенные, планы, и беспокойно за генерала, вдруг почему-то отозванного в Ставку, не говоря уже — за себя самого: кого ещё придётся возить, и не лучше ли на полуторку попроситься, хлопот столько же, а шансов живым остаться пожалуй что и побольше, всё же кабинка крытая, не всякий осколок пройдёт. И было ещё чувство — странного облегчения, даже можно сказать, избавления, в чём и себе самому признаться не хотелось.

Он был не первым у генерала, до него уже двое мучеников сменилось — если считать от Воронежа, а именно отсюда и начиналась история армии; до этого, по мнению Сиротина, ни армии не было, ни истории, а сплошной мрак и бестолочь. Так вот, от Воронежа — самого генерала и не поцарапало, зато *под ним*, как в армии говорилось, *убило* два «виллиса», оба раза с водителями, а один раз и с адъютантом. Вот о чём и ходила стойкая легенда: что «самого» не берёт, он как бы *заговорённый*, и это как раз и подтверждалось тем, что гибли рядом с ним, буквально в двух шагах. Правда, когда рассказывались подробности, выходило немного иначе, «виллисы» эти *убило* не совсем *под ним*. В первый раз — при прямом попадании дальнебойного фугаса — генерал ещё не сел в машину, призадержался на минутку на КП¹ командира дивизии и вышел уже к готовой каше. А во второй раз — когда подорвались на противотанковой mine — он уже не сидел, вылез пройтись по дороге, понаблюдать, как замаскировались перед на-

¹ Командный пункт. — *Здесь и далее примечания автора.*

Глава первая

ступлением самоходки, а водителю велел отъехать куда-нибудь с открытого места; а тот возьми и сверни в рощу. Между тем дорога-то была разминирована, а рощу сапёры обошли, по ней движение не планировалось... Но какая разница, думал Сиротин, упредил генерал свою гибель или опоздал к ней, в этом и была его заговорённость, да только на его сопровождавших она не распространялась, она лишь с толку сбивала их, она-то и была, если вдуматься, причиной их гибели. Уже подсчитали знатоки, что на каждого убитого в эту войну придётся до десяти тонн истраченного металла, Сиротин же и без их подсчётов знал, как трудно убить человека на фронте. Только бы месяца три продержаться, научиться не слушаться ни пуль, ни осколков, а слушать себя, свой озноб безотчётный, который чем безотчётнее, тем верней тебе нашепчет, откуда лучше бы загодя ноги унести, иной раз из самого вроде безопасного блиндажа, из-под семи накатов, да в какой-нито канавке перележать, за ничтожной кочкой, — а блиндаж-то и разнесёт по брёвнышку, а кочка-то и укроет! Он знал, что спасительное это чувство как бы гаснет без тренировки, если хотя б неделю не побываешь на передовой, но этот генерал передовую не то чтобы сильно обожал, однако и не брезговал ею, так что предшественники Сиротина не могли по ней слишком соскучиться, — значит, по собственной дурости погибли, себя не послушались!

С миной — ну, это смешно было. Стал бы он, Сиротин, съезжать в эту рощицу, под сень берёз? Да хрена с два, хоть перед каждым кустом ему воткни: «Проверено, мин нет», — кто проверял, для того и нет, он свои ноги унёс уже, а на твою долю, будь уверен, хоть одну «пэтээмку»¹ оставил в спешке; да хотя б он всю рощу пузом подмёл — известное же дело, раз в год и незаряженная винтовка

¹ ПТМ, противотанковая мина.

стреляет! Вот со снарядом было сложнее — на мину ты сам напоролся, а этот тебя выбрал, именно тебя. Кто-то неведомый прочертил ему поднебесный путь, дуновением ветра подправил ошибку, отнёс на две, на три тысячных вправо или влево, и за какие-нибудь секунды — как почувствуешь, что твой единственный, родимый, судьбой предназначенный, уже покинул ствол и спешит к тебе, посвистывая, пожужживая, да ты-то его свиста не услышишь, другие услышат — и сдуру ему поклоняются. Однако зачем же было ждать, не укрыться, когда что-то же задержало генерала на том КП? Да то самое, безотчётное, и задержало, вот что надо было почувствовать! В своих размышлениях Сиротин неизменно ощущал превосходство над обоими предшественниками — но, может статься, всего лишь извечное сомнительное превосходство живого над мёртвым? — и такая мысль тоже его посещала. В том-то и дело, что закаяно его чувствовать, оно ещё хуже сбивает с толку, прогоняя спасительный озноб; наука выживания требовала: всегда смирайся, не уставай просить, чтоб тебя миновало, — тогда, быть может, и пронесёт мимо. А главное... главное — тот же озноб ему шептал: с этим генералом он войну не вытянет. Какие причины? Да если назвать их можно, то какая же безотчётность... Где-нибудь оно произойдёт и когда-нибудь, но произойдёт непременно — вот что над ним всегда висело, отчего бывал он часто уныл и мрачен; лишь искущённый взгляд распознал бы за его лихостью, за отчаянно-бравым, франтоватым видом — скрываемое предчувствие. Где-то верёвочке конец, говорил он себе, что-то долго она вьётся и слишком счастливо, — и уж он мечтал отделаться ранением, а после госпиталя попасть к другому генералу, не такому заговорённому.

Вот, собственно, о каких своих опасениях — ни о чём другом — поведал водитель Сиротин майору Светлокову из армейской контрразведки Смерш, когда тот его пригла-